

Его книги глубоко человечны

О встречах с Алексеем Максимовичем Горьким рассказывает Вениамин Каверин

Петроград, Кронверкский проспект

— Горького я увидел впервые в Петрограде — в рабочем кабинете его квартиры на Кронверкском проспекте. Произошло это весной 1921 года. В ту пору я состоял членом маленького литературного общества, которое называлось «Серапионовы братья». Туда входили такие тогда начинающие писатели, как Михаил Слонимский, Лев Луцц, Николай Тихонов, Всеволод Иванов, Михаил Зощенко, Константин Федин. Каждую субботу мы собирались в тесной комнатке Слонимского, находившейся в Доме искусств, читали друг другу свои новые произведения. И при этом вели жаркие споры о литературе. И вот, узнав о наших собраниях от Слонимского, который одно время был у него литературным секретарем, Горький пригласил нас к себе.

Признаюсь, когда я шел на эту встречу, я не испытывал ни малейшего волнения. Мне вроде бы даже было чем гордиться. Ведь совсем незадолго до этого за рассказ «Одиннадцатая аксиома», представленный в Дом литераторов на конкурс начинающих авторов, я получил премию. А написал-то его всего за три дня! Так что в какой-то мере уже считал себя писателем. Но когда оказался в квартире Горького, я вдруг почувствовал себя несколько скованным. Меня очень поразило обилие книг. Никогда раньше я не видел такой богатой библиотеки — я запомнил ее на всю жизнь... Горький встретил всех нас очень радушно, приветливо и заботливо усадил каждого. Разговор сразу же зашел о литературе. Алексей Максимович с большим одобрением отзывался о последнем рассказе Всеволода Иванова «Жаровня архангела Гавриила» и принялся с удовольствием читать нам его вслух. А потом — и это меня особенно удивило, — несмотря на свое восхищение этим рассказом, заговорил о его недостатках, а также о том, что такое вообще труд писателя. Горький был образованнейшим человеком своего времени, он прекрасно знал историю мировой литературы, до тонкостей изучил пути развития и особенности русской прозы. И вот на захватывающе интересные примеры он поведал нам о том, что труд писателя — это, оказывается, очень серьезное, ответственное, тяжелое и даже мучительное дело. От него я впервые услышал, что Эмиль Золя привязывал себя к креслу для того, чтобы не покидать своего рабочего места, не написав нужного числа страниц, что Иван Гончаров писал «Обрыв» около двадцати лет, что Джек Лондон погиб от усталости. Горький говорил о том, что литератору, помимо чисто физической выносливости, необходимы еще и выдержка и самоотверженность, потому что разочарований и огорчений на его пути всегда бывает больше, чем он этого ожидает, что писать надо ежедневно, самозабвенно, — только тогда что-то может получиться. В словах Горького чувствовалась вся святость его отношения к литературе, в них звучала искренняя озабоченность этим непростым делом.

Для меня все это было открытием. То сильное впечатление, которое Горький на меня тогда произвел, осталось одним из самых отрядных воспоминаний моей юности. Я ведь в то время просто хотел быть писателем, но что такое быть писателем, я, в сущности говоря, даже приблизительно себе не представлял. Выхая на улицу, я дал себе клятву посвятить свою жизнь литературе, отдать этому нелегкому труду все силы своего ума и сердца. Вот что знала для меня первая встреча с Горьким. В эмоциональном смысле это был урок на всю жизнь.

Таким он запомнился...

Горький был человеком очень высокого роста. Он немножко горбил, но эта привычная сгорбленность несколько не отражалась на его наружности. Он производил впечатление большого, крупного человека, что вполне соответствовало понятию крупной личности. Мне прекрасно запомнился его голос: он говорил немножко на «о», глуховато, неторопливо. При этом в нем постоянно чувствовалась напряженная работа мысли. За свою долгую жизнь я убедился, что такое качество встречается не так уж часто. Горький никогда не был покровительственным, все, о чем бы он ни говорил, всегда было глубоко продумано. Это был человек, который прежде чем произнести фразу, сначала как бы проговаривал ее внутри себя. Как раз поэтому его глубоко продуманные выступ-

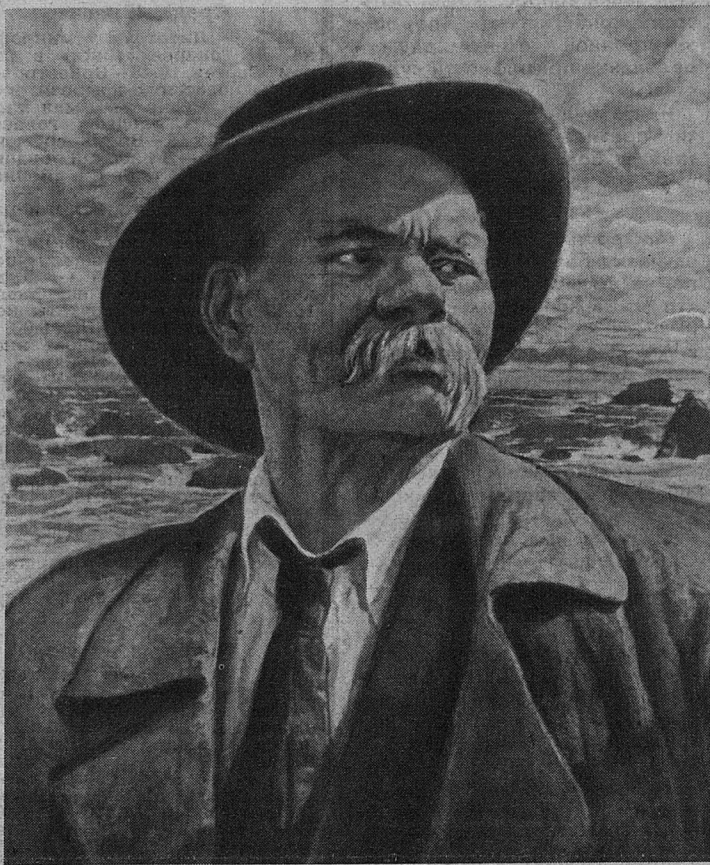
ление, прозвучавшее на Первом Всесоюзном съезде писателей, явилось для литераторов всей страны настоящим интеллектуальным событием. Так что впечатление постоянной внутренней работы мысли, которая совсем не сказывалась внешне, но которую можно было угадать, — вот, пожалуй, главное, что мне показалось исключительно важным и самым заметным в облике Горького.

Кроме того, сразу же бросались в глаза его благородная скромность и покоряющая простота. Любый литератор чувствовал в нем доброго, надежного друга.

И еще. В Горьком была человеческая доброта, которая согрела очень много знавших его людей. Как это ни странно звучит, но доброта эта ощущалась в нем даже тогда, когда он сердился, потому что она изначально была в его природе. Но важнее всего, наверное, то, что доброта его всегда была очень конкретна, ощутима. Напри-

тура очень многими своими достижениями обязана именно Горькому, его безграничной любви к людям.

Если быть до конца искренним, то с уверенностью скажу, что никогда и нигде за долгие годы своего творчества я не встречал такого бескорыстного отношения к молодым писателям, какое встретил в лице Горького. Вспомним, кем в то время были Всеволод Иванов или Константин Федин? Никому не известные авторы, делающие свои первые робкие шаги в литературе. Обо мне и вообще говорить не приходило, потому что был я тогда девятнадцатилетним студентом, который вообще ничего не сделал в литературе, правда, на скорую руку написал какую-то вещь очень спорных достоинств, которая Горькому показалась странной, ну, в лучшем случае, необычной. Вот это и были все мои заслуги. Только теперь я понимаю, каким огромным чувством художника надо было об-

мер, во время первой встречи с «Серапионами» у него на квартире, оказывается, ничего не ускользнуло от его зоркого глаза. И хотя он не подал виду, но в тот день он очень ясно увидел перед собой и Всеволода Иванова, пришедшего из Сибири в солдатском обличье с обмотками на ногах, и аккуратного Константина Федина в очень потертой одежде, и щеголеватого, подтянутого Михаила Зощенко, у которого тоже были свои сложности в гардеробе, и меня, уже изрядно выросшего из гимназической формы. Словом, одеты мы были не то что плохо, а просто бедно. Как вскоре выяснилось, Горький после этой встречи прежде всего захотел нас лучше одеть. Он распорядился через Кубуч — существовала тогда такая комиссия по улучшению быта ученых — выдать нам настоящие костюмы. И я в первый раз в жизни надел настоящий костюм, который, как мне тогда объяснили, назывался тройка, потому что состоял из пиджака, жилета и брюк...

Алексей Максимович обладал редкой способностью каким-то непостижимым образом сразу же достучаться до твоего сердца. Он заставлял тебя серьезно задуматься о себе самом, посмотреть на себя самого как бы со стороны — честными и трезвыми глазами и задаться вопросами. Кто ты? К чему стремишься в этой жизни? Сколь велики твои помыслы? Я ведь не зря говорил, что после первой же встречи с ним вернулся домой глубоко потрясенный. Я считаю себя учеником Горького именно потому, что разделяю его взгляды на вот такое обязательное для любого писателя внутреннее самознание.

Алексей Максимович признавался, что за свою жизнь встречал на Руси очень много одаренных и талантливых людей, которые перестали совершенствоваться и как творческие единицы пошли на убыль только потому, что в самую трудную для них минуту — а таких минут у всякого художника очень много! — никто не оказал им поддержки, ни моральной, ни материальной. А ведь в таких случаях было бы дорого даже одно доброе слово. Вот почему, думается, очень многие писатели испытывали на себе его поистине трогательную заботу. И, замечу, всякий молодой автор, который ощутил на себе благотворное влияние Горького, впоследствии всю жизнь работал целеустремленно, самоотверженно, для национальной и в конечном счете мировой культуры. Горький на всю жизнь заряжал его своим вдохновением, своей творческой энергией. Поэтому советская куль-

ладать, чтобы по одному-единственному, действительно странному и крошечному рассказу определить, что у автора есть какие-то литературные способности, разглядеть за всей этой зыбкой фантазией дарование, которое имело бы перспективу и право на дальнейшую жизнь. Это относится ко всем «братьям Серапионам» и многим другим писателям. Если он обнаруживал в ком-то хоть искорку таланта, то считал, что ее надо обязательно раздуть в большой, хороший костер.

В одном из своих писем Ромену Роллану Горький писал, что наша цель — внушить молодежи любовь и веру в жизнь, мы хотим научить людей героизму. Вот чем он руководствовался в своей работе с молодыми писателями, вот почему личное общение с ним или же переписка всегда вселяли в тебя оптимизм, веру в собственные силы.

Не имеем права писать плохо...

На письменном столе Горького, где бы он ни был — за границей или в России, постоянно лежало несколько рукописей, чаще всего присланных неизвестными ему людьми. Автор просил оценить написанное и дать необходимые профессиональные советы. И несмотря на то, что рукописи часто бывали безнадежно слабыми, Горький умудрялся найти в них достоинства, указывал на них автору, прекрасно зная, что это может очень помочь в таком трудном деле, как литература. Заявлялась переписка, которая нередко продолжалась годами. И это была не просто переписка, а настоящие уроки нравственности и писательского мастерства. Таким образом Горький пробуждал человека к активной творческой жизни и помогал его способностям прокнуться на свет божий. Он был уверен, что со временем у нас будет много по-настоящему хороших писателей и вместе с их появлением возникнет необходимость в мире по уровню художественности советская литература. Для этого надо только растить надежную смену молодых литераторов.

За год Горький иногда прочитывал до полутора сотен рукописей, считая это своим долгом. Вообще это был поразительный человек. Разве можем мы вспомнить хотя бы еще один пример, когда бы энергия одного художника была так щедро и бескорыстно направлена не на создание собственных произведений, а на заботу о становлении других писателей, на развитие литературы в целом? За всю историю мировой литературы

это, пожалуй, единственный случай.

Горький относился к молодым авторам очень бережно, он никогда никому не навязывал своей точки зрения на творчество. Напротив, он всегда стремился убедить нас, что все мы разные, и поэтому каждый из нас в мире литературы должен идти только своей дорогой, должен быть самим собой. Он ценил не сходство, а оригинальность, своеобразие, непохожесть, так как именно в этом видел богатство жизни, а значит, и литературы.

Но самое важное, по-моему, состояло в том, что Горький помогал нам в нравственном смысле. Об этом можно судить по сохранившимся письмам. Он ведь всегда учил нас, молодых литераторов, обдумывать собственную нравственную позицию. Он был очень недоволен теми литераторами, которые, по его мнению, стремились только к легкому успеху. Он терпеть не мог писателей, которые пытались оказывать дурное влияние на начинающих авторов. Вообще он имел на все очень ясную точку зрения и по этой причине очень твердые принципы. Конечно, надо было иметь в душе какую-то основу для того, чтобы воспринимать все так глубоко, как это делал Горький. И я счастлив, что твердую нравственную позицию, которой я неуклонно придерживаюсь всю жизнь свою, заложил во мне Горький, пример которого всегда был у меня перед глазами.

У Горького был революционный взгляд на творчество современного художника. Он считал, что если в дореволюционную эпоху писатель лишь отражал жизнь, то теперь, с приходом нового времени, его священное дело — перестраивать мир. А для этого он должен исчерпывающе хорошо знать жизнь, уметь трезво оценить любое явление, чтобы безошибочно распознать, что это — пережиток старого или росток нового. Горький считал, что литератору надо не только бороться с осколками старого мира, но и видеть, открывать бесконечные преимущества нового общества, все достоинства нового человека, который и должен стать полнокровным отражением и средоточием всех происходящих в жизни прогрессивных перемен. Долг писателя, по убеждению Горького, состоит в том, чтобы создавать хорошие произведения, которые способствовали бы духовному и идейному становлению советского человека, а также делу строительства новой культуры. Горький считал, что любой талант принадлежит народу, и тот, кто им обладает, должен развивать его постоянно.

Горький говорил, что начинающему нужно как можно быстрее себя найти, обрести свой собственный голос, а для этого, считал он, надо всех слушать, у всех учиться, но никому не подражать. Новичку необходимо чувствовать себя совершенно независимым от своих учителей — только при таком условии у него появится необходимая внутренняя свобода, которая и является самым коротким и верным путем к самостоятельному и плодотворному творчеству.

Горький призывал нас проявлять большой интерес к жизни, всматриваться в жизнь — и видеть в самых простых людях величие и благородство. Он говорил нам, что писать надо только искренне, просто и коротко, как будто пишете любимой девушке или родной матери. Он считал, что работать нужно ежедневно, целеустремленно, упорно, но ни в коем случае не дилетантски. Если уж вы взялись за такое серьезное дело, как литература, говорил он, то никогда не щадите себя. Кроме того, он призывал нас не приучать себя к пустякам, а ставить перед собой большие, трудновыполнимые задачи. И, работая над ними, постарайтесь себя спрашивать: почему что, по его мнению, чем больше художник будет недоволен собой, тем будет лучше и для него, и для его произведений.

Я мог бы припомнить не один факт, подтверждающий, что Горький всегда сердечно ко мне относился. Иногда я попадал в очень сложные жизненные ситуации и сразу же обращался к Горькому. Он с готовностью приходил мне на помощь, помогал материально, когда это было нужно. Но самое главное, я ощущал его неизменную поддержку даже тогда, когда совершал какой-нибудь промах и у меня возникали серьезные сложности в работе, из-за которых ко мне даже менялось отношение некоторых моих друзей. Например, когда я написал очень неудачный роман «Девять десятых судьбы», все принялись упрекать меня в один голос. Горький же в это очень тяжелое для меня время упрекал тех, кто упрекал меня. Была у него такая черта — не топить утопающего. Когда мой близкий друг Константин Федин обеспокоенно написал ему в Неаполь: «...Слаб человек —

не могу не посплетничать: читали ли вы в «Ковше» Каверина? Что стало с человеком? И — представьте — дальше — еще хуже, а он стойко убежден, что именно так нужно!», Горький ответил: «Каверин — умник, он скоро догадается, что так писать ему не следует». И я действительно понял, что допустил грубую ошибку. Вот вам живой пример той поддержки, которую испытал на себе любой знавший Горького литератор.

Горький был по-настоящему счастлив в дни работы Первого съезда советских писателей. Он очень хорошо понимал, насколько это важное для всей нашей страны событие. Собрались очень многие видные писатели, молодежь, и Алексей Максимович был очень рад такой благоприятной возможности лично поговорить с каждым литератором, к которому у него было неотложное дело. Обычно ведь ему приходилось писать людям многочисленные письма и убедительно просить их включиться в какую-то работу. А тут они все были перед глазами. Он не мог упустить такой случай. Поэтому еще до начала съезда успел поговорить с несколькими писателями. Среди них был и Юрий Тынянов. Горький ценил многогранный талант Тынянова, который написал замечательные статьи о кино, успешно работал над сценариями, участвовал в постановках фильмов. Поэтому когда они встретились, он стал уговаривать его еще поработать для кино.

В выступлении Горького на съезде содержалось множество важных и до сих пор не потерявших своей актуальности мыслей. Горький подчеркнул, что Союз писателей создается не только для того, чтобы просто объединить художников слова, но и для того, чтобы они смогли по-настоящему почувствовать свою коллективную силу и яснее увидели, какие широкие возможности для творчества открываются перед ними. Сейчас жива также высказанная Горьким на съезде мысль, что советская литература, литература социалистического реализма, ставит перед собой благородную цель — способствовать непрерывному развитию безграничных способностей человека, росту его самосознания, его духовному становлению. Горький подчеркнул, какая в связи с этим на литераторов ложится ответственность — ведь им по сути дела предоставляется возможность самого непосредственного участия в строительстве нового общества. Вот почему, сказал он, мы не имеем права писать плохо и научимся писать хорошо, если почувствуем, какое огромное значение имеет художественная литература в нашей стране. Наша главная цель, заключил Горький, создать такую могучую литературу, которая будет нужна не только нашему народу, но и всему миру. Мечта Горького сбылась — книги советских писателей сейчас переводятся на множество иностранных языков, их читают в разных концах света.

Книги самого Горького читаются во всем мире, они всегда современны, ибо глубоко человечны. Сила их также в том, что все они основаны на глубоких жизненных наблюдениях, на подлинных впечатлениях. Понимая всю громаду сделанного великим художником, лично я особенно ценю в Горьком художника-мемуариста. Мне кажется, что самые сильные его произведения — это «Детство», «В людях», «Мои университеты». Он был необыкновенно зорок. Надо сказать, что он учитывал и уроки такого крупного художника, как Чехов. Я люблю мемуары Горького, потому что они необыкновенно тонкие. Там между строк сказано очень многое. Наблюдательность Горького в этих коротких, небольших рассказах просто поразительна. Он вспоминает — и картины получаются зримыми, необыкновенно отчетливыми. Например, сцена пожара просто захватывает, написана она великолепно, кистью большого художника.

Если вспомнить пьесы Горького, то их также до сих пор очень любят. И что удивительно, они ничуть не стареют. Из Горького получился талантливый драматург, потому что он умел соединить дарование беллетриста-прозаика с дарованием драматурга. Горький создал несколько выдающихся пьес. И сыграны они были замечательно. Я помню Бориса Щукина в роли Булычева — это одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Горький с таким мастерством писал свои пьесы, потому что постоянно прислушивался к жизни, к живым голосам самых разных людей. Диалоги его носят такой яркий, выразительный характер, что ты часто забываешь, что это пьесы, и веришь: все это настоящая жизнь. Да, Горький великолепно знал все, о чем писал!

Беседу записал
Е. ГИЛЬМАНОВ.